

Классики и современность

Алексей
Николаевич
Леонтьев:
комментарии
к биографии

История научных
отношений
А.Н. Леонтьева
и Л.С. Выготского

Психологическая
вселенная
Б.Д. Парыгина

О механизмах
усвоения
и развития

Альберт Эйнштейн
и психологическое
знание

Национальный психологический журнал №1(9)/2013, 9–17

Оригинальная статья
National Psychological Journal #1(9)/2013, 9–17
Original article

УДК 159.9(091)

doi: 2079-6617/2013.0102

Алексей Николаевич Леонтьев: комментарии к биографии

А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Москва, Россия

Поступила: 24 февраля 2013 / Принята к публикации: 3 марта 2013

Alexei Leontiev: comments on biography

A.A. Leontiev and D.A. Leontiev Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Received: 24 february 2013 / Accepted for publication: 3 march 2013

В статье, написанной сыном и внуком российского психолога А.Н. Леонтьева, отражены не только его великие и разносторонние научные и научно-организационные заслуги перед отечественной психологической наукой, но и нарисован яркий портрет Алексея Николаевича как человека.

В отличие от ранее написанных официальных «причесанных» биографических статей об этом прекрасном ученом, в данной работе очень живо и образно рассказывается, какими на самом деле были жизнь и творчество А.Н. Леонтьева. Штрихи биографии Леонтьева дают возможность хорошо представить себе обстановку в нашей стране, в те годы, в которые пришлось ему учиться, работать, творить.

Говоря о личностных качествах Алексея Николаевича, авторы отмечают, что он никогда не занимался передачей и воплощением начальственных указаний, постоянно добивался от начальства принятия компетентных и полезных для психологии решений. Его авторитет у власти был настолько высок, что ему удавалось практически все, к чему он стремился. А.Н. Леонтьев не принимал ни одного ответственного решения, не посоветовавшись предварительно с окружающими его людьми. Начиная с совместной работы с Выготским, практически все решения принимались совместно. Авторы откровенно, с мягким юмором пишут о молодых годах будущего профессора, о непростом становлении его научной карьеры, о самоотверженной творческой, учебной и административной деятельности в зрелые годы. Их повествование дает представление об Алексее Николаевиче, и как о гениальном ученом, и как о высоко порядочном, ранимом, очень эмоциональном человеке, и очень хорошем человеке.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, МГУ, история отечественной психологии, теория деятельности, психологический факультет МГУ, психология в СССР.

The article written by the son and grandson of Russian psychologist A.N. Leontiev reflects not only his great and varied scientific and organizational services to the domestic psychological science, but also paints a vivid picture of Alexei Leontiev as a person.

In contrast to the previous quite formal biographical articles about this great scientist, this paper lively and vividly describes what actually was the life and work of A. Leontiev. His biography details allow to imagine the situation in this country, in the time when he had to study, work and create. Talking about personal traits of Alexei Leontiev, the authors point out that the scholar never engaged himself in delegating powers or acting according to the boss's instructions. He constantly sought from the authorities healthy decisions for psychology. His authority in power was so great that he was able to do almost everything that he sought to do. A.N. Leontiev did not take any important decision without having a council with the people around him. In his collaboration with Lev Vygotsky, almost all decisions were taken together.

The authors openly, with gentle humor are writing of the early years of the future professor, about an uneasy scientific career, a creative, educational and administrative activity in later years. Their story gives an idea of Alexei Leontiev, and as a brilliant scientist, and as a highly respectable, vulnerable, very emotional person, and a very nice man.

Keywords: A. Leontiev, Moscow Lomonosov State University (MSU), history of Russian psychology, activity theory, the Faculty of Psychology of Moscow Lomonosov State University, Psychology in the Soviet Union.

Алексей Николаевич Леонтьев (1903-1979) широко известен как признанный формальный и неформальный лидер советской психологии 40-70-х годов. Его научные и научно-организационные заслуги перед отечественной психологической наукой велики и разносторонни. Он создал в Московском университете сначала отделение психологии на философском факультете, а затем и факультет психологии, где много лет был деканом. Он был также одним из руководителей (вице-президентом) Академии педагогических наук РСФСР и СССР в не худшие ее времена, написал немало научных работ, в частности, несколько книг, каждая из которых была переведена на десятки иностранных языков, а одна из них – «Проблемы развития психики», через четыре года после выхода была отмечена Ленинской премией. Почти все московские, по крайней мере, университетские психологи среднего и старшего поколения – прямые его ученики и сотрудники.

Официальная биография Алексея Николаевича во многом создавалась авторами этой статьи – не только близкими ему людьми (один из нас его сын, другой – внук), но и коллегами А.Н. Леонтьева по науке. И когда, вскоре после его кончи-

ны, в начале восьмидесятых годов, готовился сборник его памяти, один из нас написал к нему вводную статью (Леонтьев А.А., 1983, С.6-39). И хотя она выглядит вполне «причесано» и в ней нет неправды, но о многом там не сказано.

Наверное, настало время рассказать биографию Алексея Николаевича такой, какой она была на самом деле, хотя бы настолько, насколько это возможно в одной статье. Ту, официальную, биографию нельзя назвать неверной, но некоторые уточнения хотелось бы внести. Поэтому мы решили написать эту статью в виде комментариев к официальной биографии, опубликованной в 1983 году.

«Он закончил в 1924 г. факультет общественных наук Московского университета...»

На самом деле Алексей Николаевич не окончил Московский университет. Его выгнали из него и он сдавал экзамены экстерном. Есть две разных версии того, почему его выгнали. Более интересная: будучи студентом, он заполнял в 1923 году какую-то анкету и на вопрос «Как Вы относитесь к Советской власти?» якобы ответил: «Считаю исторически необходимой». Так он рассказывал своему сыну. Во всяком случае, это на

него похоже. Вторая версия: весьма не любимому лектору по истории философии Алексей Николаевич прилюдно задал вопрос о том, как надо относиться к буржуазному философу Уоллесу, биологизатору и вообще антимарксисту. Не очень образованный лектор, испугавшись, что его поймут на незнании имени такого философа, долго и убедительно разъяснял затаившей дух аудитории ошибки этого буржуазного философа, естественно, выдуманного студентами накануне лекции. Эта версия тоже восходит к устным мемуарам Алексея Николаевича.

Леонтьев слушал в университете лекции самых разных ученых. Среди них был Густав Густавович Шпет, филолог-античник П.С. Преображенский, историки М.Н. Покровский и Д.М. Петрушевский, историк социализма В.П. Волгин. В Коммунистической аудитории МГУ тогда впервые читал курс исторического материализма Николай Иванович Бухарин. Как-то А.Н. Леонтьев слушал в Коммунистическом университете лекции Сталина по национальному вопросу, о которых, впрочем, через полвека отозвался более чем сдержанно.

«Своим обращением к психологии Алексей Николаевич был обязан Г.И. Челпанову... По инициативе Г.И. Челпанова Алексеем Николаевичем были написаны первые его научные работы – реферат «Учение Джемса о идеомоторных актах» (он сохранился) и несохранившаяся работа о Спенсере»

Почему он стал психологом? Сначала его привлекала философия – была потребность мировоззренчески осмыслить все происходившее в стране на его глазах. Так, по крайней мере, вспоминал он сам. А потом, уже поступив в университет, он – не без влияния Челпанова – переключился на психологию. Здесь ему повезло: он попал в Психологический институт, где даже после ухода Челпанова продолжали работать первоклассные ученые: Н.А. Бернштейн, М.А. Рейснер, П.П. Блонский, из молоде-

жи – А.Р. Лурия и, с 1924 года Л.С. Выготский. Когда Челпанова выгнали из директоров Психологического института и на его место «сел» один из его учеников, яркий, хотя и философски малограмотный марксист К.Н. Корнилов, то (это тоже не значится в официальной биографии) к Челпанову пришел молодой взволнованный Алексей Николаевич и сказал: «Я не хочу Вас бросать, Георгий Иванович, я буду с Вами продолжать работать». На что умный и человечный Челпанов сказал: «Не смейте этого делать! Вам еще жить. Я Вас отпускаю. Не думайте, что Вы несете передо мной моральные обязательства». Алексей Николаевич, поколебавшись, все-таки пошел дальше работать к Выготскому.

Есть хрестоматийная версия: пришли к Выготскому молодые психологи Лурия и Леонтьев, и началась школа Выготского. На самом деле пришли к Лурия молодые психологи Выготский и Леонтьев. Первое время этот кружок возглавлял именно Лурия, старший по должности в Институте, известный уже психолог, имевший к тому времени несколько опубликованных книг, бывший даже научным секретарем Института. Лишь потом произошла перегруппировка и лидером стал Выготский. Самые первые публикации А.Н. Леонтьева были в русле исследований А.Р. Лурия, под его руководством и с ним в соавторстве – по аффектам, сопряженной моторной методике и т.п. Лишь после нескольких работ такого плана начинаются работы в культурно-исторической парадигме Выготского (первая его публикация на эту тему датирована 1929 г.).

«В 1930 г. обстоятельства сложились так, что Алексей Николаевич был вынужден уйти как из Академии коммунистического воспитания, так и из ВГИКа. Примерно в то же время Наркомздрав Украины решил организовать в Украинском психоневрологическом институте, а позже, в 1932 г., во Всеукраинской психоневрологической академии (она помещалась в Харькове, который был тогда столицей республики) сектор психологии. Пост заведующего сектором был предложен А.Р. Лурия, пост заведующего отделом детской и генетической психологии – А.Н. Леонтьеву. Однако А.Р. Лурия вскоре вернулся в Москву и практически всю работу вел Алексей Николаевич».

Одним из факторов, которые привели Леонтьева в Харьков, явилось то, что к концу 20-х годов были закрыты все лаборатории, где он мог работать. И приглашение из Харькова, от украинского наркомата здравоохранения, решало его жизненные проблемы. Зато

За чаем с Н.Г. Морозовой и А.Р. Лурия

в Харькове он возглавил одновременно кафедру психологии в пединституте, отдел психологии в НИИ педагогики и сектор психологии в Психоневрологической академии. Возникла знаменитая Харьковская школа – ответвление психологической школы Выготского. Работали много, печатали очень мало. Только сейчас делается попытка собрать воедино все работы «харьковчан».

«Впрочем, постоянно он находился в Харькове только до 1934 г., а затем получил заведование лабораторией генетической психологии Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ)... Однако это продлилось недолго. В 1936 г. Алексей Николаевич перестает работать в ВИЭМе...»

Весной 1934 года, незадолго до смерти, Л.С. Выготский сделал несколько шагов к тому, чтобы собрать всех своих учеников – московских, харьковских и других – в одной лаборатории во ВИЭМе. Сам Выготский уже, естественно, не смог ее возглавить (он умер в начале лета 1934), и руководителем лаборатории стал Леонтьев, покинув ради этого Харьков. Но он продержался там недолго. После доклада на Ученом совете этого института о

психологическом исследовании речи (Леонтьев А.Н., 1983, С.65-75), он был обвинен во всех возможных методологических грехах. Дело дошло до горькома партии! – после чего лаборатория была закрыта, а Алексея Николаевича из ВИЭМа выгнали. Он опять остался

без работы. Сотрудничал в небольшом научно-исследовательском институте при ВКИП – Высшем коммунистическом институте просвещения, занимался психологией восприятия искусства в ГИТИСе и во ВГИКе, где постоянно общался с С.М. Эйзенштейном (они были знакомы с Эйзенштейном и раньше, с конца 20-х годов, когда Алексей Николаевич преподавал во ВГИКе, пока последний не был объявлен гнездом идеалистов и троцкистов с понятными последствиями).

В июле 1936 года грянуло знаменитое постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», которое положило начало полному разгрому детской и педагогической психологии, «достойно» увенчав серию постановлений ЦК начала 30-х годов, повернувших вспять советскую школу, отменивших все инновации и эксперименты и сделавших былую демократическую школу авторитарной и милитаризованной. Особенно досталось идеологам демократической школы – Л.С. Выготскому и П.П. Блонскому, Л.С. Выготскому, к счастью, уже посмертно. И кое-кто из тех, кто раньше объявлял себя учениками Выготского, нача-

ли с не меньшим энтузиазмом публично осуждать его и свои ошибки. А.Н. вспоминал об одном таком случае.

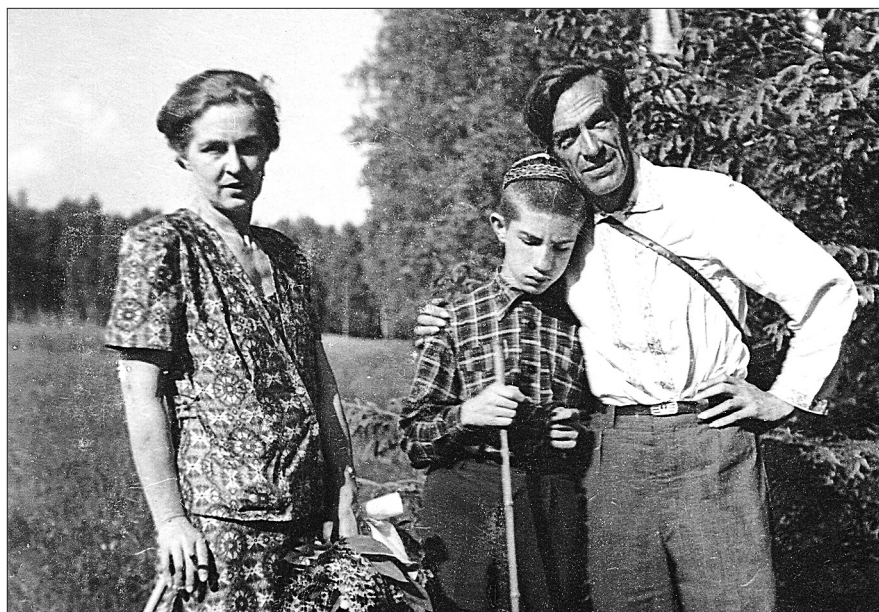
Идет собрание педагогов (кстати, на такие собрания тогда приглашали повестками – не прийти было невозможно). Леонтьев почему-то оказывается в многолюдном президиуме. Рядом с ним было пустое место. Перед самым началом входит и под приветственный шум зала садится на это место член ЦИК СССР, старый большевик Г.И. Ломов-Оппок. С

го, как на них ни давили, не сказали ни одного дурного слова о Выготском ни публично, ни в печати. И не колотили себя в грудь, не признавались в методологических ошибках и политической близорукости. Вообще они никогда не меняли своих взглядов, что бы ни происходило. Как ни странно, все они тем не менее уцелели. Но ВКИП был закрыт, и Леонтьев опять остался без работы, к тому же под подозрением. В январе 1937 года вышла брошюра Евы Израи-

В это время директором Института психологии вновь стал Корнилов, который взял Алексея Николаевича на работу. Конечно, ни о каких методологических вопросах речи не могло быть. А.Н. Леонтьев занимался темами сугубо конкретными: восприятием рисунка (продолжение исследований Харьковской школы) и фоточувствительностью кожи. Хотя Алексей Николаевич и остался в институте, он постарался исчезнуть из поля зрения властей. Получив приглашение преподавать в Ленинградском педагогическом институте имени Крупской, он, как это делал в аналогичной ситуации в начале 30-х годов Выготский, стал ездить туда на десять дней каждый месяц, возвращаясь потом обратно в Москву. Таким образом он не был на виду.

«Одно из важнейших направлений работы Алексея Николаевича в конце 30-х годов, прежде всего и отразившееся в его диссертации – это генезис чувствительности и периодизация психического развития животных».

Докторская диссертация А.Н. Леонтьева на тему «Развитие психики» представляла собой грандиозный проект. Было написано два объемистых тома. Третий том, посвященный онтогенезу психики, был написан частями, материалы к нему частично сохранились. Но Б.М. Теплов убедил Алексея Николаевича, что для защиты достаточно и того, что есть. В 1940 году диссертация в двух томах была защищена. Первый ее том составляло теоретическое и экспериментальное исследование возникновения чувствительности, которое практически без изменений вошло во все издания книги «Проблемы развития психики». Самое интересное, что, это было парапсихологическое исследование, посвященное обучению воспринимать свет руками, то есть помимо органов чувств! Конечно, Алексей Николаевич подавал это исследование иначе, наводя «материалистический лоск» и говоря о перерождении определенных клеток в эпидермисе ладоней, но это квазифизиологическое истолкование четко доказанных им фактов развития способности воспринимать световые сигналы пальцами ничуть не более убедительно, чем допущение экстрасенсорной природы этого восприятия. Второй том был посвящен

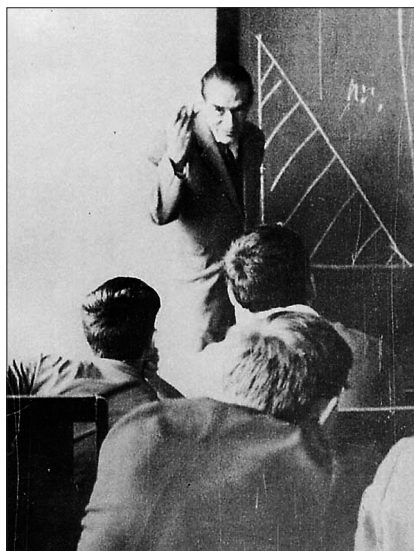
Семья на даче, 40-е годы

другой стороны от Леонтьева сидит какой-то деятель ЦК. В программе – выступление довольно известного ученого, когда-то бывшего сотрудником Л.С. Выготского, затем от него отошедшего и вспомнившего о своем ученичестве лишь в дни похорон Выготского, когда он беззастенчиво оттер и Лурия, и Леонтьева от участия в траурной церемонии. Этот человек публично громит Выготского за его идеалистические и антимарксистские взгляды и одновременно кается в том, что вовремя их не вскрыл и не разоблачил. Ломов-Оппок берет листок, что-то пишет и передает записку через Леонтьева его соседу с другой стороны – но так, чтобы Леонтьев смог ее прочесть. В записке, к вящему удивлению Алексея Николаевича, стояло: «Ну и стерва же этот оратор!». После чего Ломов-Оппок берет слово и хвалит предыдущего оратора как образец самокритики...

Так вот, ни Леонтьев, ни Лурия, ни другие подлинники ученики Выготско-

левны Рудневой «О педологических извращениях Л.С. Выготского». Там было, в частности, сказано: «Критика педологических извращений Л.С. Выготского остается актуальной, потому что некоторые из его учеников (Леонтьев, Лурия, Шиф и др.) еще не разоружились». Нет необходимости говорить, что это означало в 1937 году. Интересно, что последние десятилетия своей жизни (в 60–80-е годы) Руднева работала профессором на кафедре педагогической психологии факультета психологии МГУ, возглавляемого Леонтьевым, при этом практически никто из психологов более младших поколений не знал о существовании этой книжки! Вообще Алексей Николаевич не то что не помнил зла, но не давал личной неприязни и чувству мести сказываться на деловых и научных отношениях. С тем же оратором из воспоминаний 1936 года он немало общался в послевоенные годы, даже встречался с ним на даче.

развитию психики в животном мире. В «Проблемы развития психики» вошли сравнительно небольшие фрагменты этой части диссертации, а наиболее интересные фрагменты, оставшиеся за рамками хрестоматийных текстов, были опубликованы посмертно в сборнике научного наследия (Леонтьев А.Н., 1994).

На лекции, начало 60-х годов

Через много лет Алексей Николаевич в соавторстве с Б.Ф. Ломовым, В.П. Зинченко и А.Р. Лурья опубликовал статью «Парапсихология: фикция или реальность?» (Леонтьев А.Н., 1973), тут же переведенную на английский, немецкий, французский, итальянский, словацкий и японский языки. На поставленный в заголовке статьи вопрос давался достаточно уклончивый ответ: так сказать, черт его знает, реальность это или нет! Пока что у нас нет оснований для окончательного суждения...

Еще одна работа, которая относится примерно к этому же периоду (1938-1942 годы) – это его «Методологические тетради», заметки «для себя», которые в довольно полном виде также вошли в книгу «Философия психологии». Они обо всем на свете. Самое интересное, что очень многие вещи, которые в них прописаны на уровне идей или тезисов, причем довольно подробно, были впервые обнародованы спустя 20-30 лет, если обнародованы вообще. Например, первая публикация Алексея Николаевича по проблемам личности относится к 1968 году. В законченном виде его взгляды на личность,

составили последнюю главу книги «Деятельность. Сознание. Личность», опубликованы в 1974 и 1975 годах. Но практически все, что вошло в эту главу, было развернуто, прописано и обосновано в «Методологических тетрадях» около 1940 года, то есть практически одновременно с выходом первых западных обобщающих монографий по проблеме личности К. Левина (1935), Г. Олпорта (1937), Г. Мюррея (1938). У нас, однако, проблему личности в этом ключе – через понятие смысла – поднимать было невозможно. Понятие «личность» встречается в книгах ряда психологов – Рубинштейна, Ананьева и других с конца 40-х годов в единственном значении: как обозначающее социально-типичное в человеке («совокупность общественных отношений»), в отличие от характера, выражающего индивидуально-своеобразное.

Если немного по-другому взглянуть на эту формулу, учитывая социальный контекст, обнажается идеологическая подоплека ее понимания: индивидуально-своеобразное в человеке допустимо только на уровне характера, на уровне же личности все советские люди обязаны быть социально-типичными. Именно поэтому всерьез говорить о личности тогда было невозможно, и именно поэтому теория личности Алексея Николаевича «выдерживалась» тридцать лет.

«В начале июля 1941 года, как и многие другие московские ученые, А.Н. Леонтьев вступает в ряды народного ополчения. Однако уже в сентябре Генеральный штаб отзывает его... для выполнения специальных оборонных заданий».

Вместе с другими тремя психологами – Б.М. Тепловым, К.Х. Кекчеевым и А.И. Богословским – А.Н. Леонтьев попал в одну из ополченческих дивизий, которая стояла на дальних подступах к Москве. Вместе с Кекчеевым и Тепловым он был прикомандирован к штабу, а Богословский находился где-то на передовой. В один прекрасный вечер на «виллисе» приехал фельдъегерь из Генерального штаба с предписанием немедленно откомандировать всех четырех психологов в Генштаб для выполнения секретных работ по ночному видению и т.п. Трех из них, которые были при штабе, немедленно посадили в «виллисы» и увезли, а Богословского решили отправить утром. Ночью немецкая танковая армия прорвала оборону,

и ополченческая дивизия была буквально «стерта» с лица земли. Богословский остался жив. Он попал в плен, всю войну промыкался по немецким лагерям, а после войны, естественно, по советским, и только где-то в начале пятидесятых годов опять «всплыл» как психолог, но его карьера была, понятно, уже сломана. Остальных трех психологов, в том числе Алексея Николаевича, отделяло от судьбы Богословского буквально несколько часов.

В самом конце 1941 года происходила эвакуация университета, включая Институт психологии, в Ашхабад, где Алексей Николаевич продолжал заниматься закрытыми темами. Когда выяснилось, что москвичи жить в Ашхабаде не могут, потому что там они начинают болеть всеми мыслимыми болезнями, весь университет решением правительства перебазировали в Свердловск. Под Свердловском, в Кисегаче и Кауровке, были организованы два экспериментальных госпиталя. Первый возглавил Лурья, а второй – Алексей Николаевич в качестве научного руководителя. Там работали А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин, С.Я. Рубинштейн и другие. Это был реабилитационный госпиталь, который занимался восстановлением движений после ранения. На этом материале была блестяще продемонстрирована не только практическая значимость теории деятельности, но и абсолютная адекватность и плодотворность физиологической теории Н.А. Бернштейна, который через несколько лет, в конце 40-х годов, был вообще отлучен от науки. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, если бы Алексей Николаевич не взял его к себе сотрудником на отделение психологии. Практическим результатом работы экспериментальных госпиталей было то, что время возвращения раненых в строй сокращалось в несколько раз за счет использования техник, разработанных на базе деятельностного подхода и теории Бернштейна.

«В 1948 г. А.Н. Леонтьев стал членом Коммунистической партии... При создании АПН РСФСР Алексей Николаевич стал ее членом-корреспондентом, а затем действительным членом. В описываемый период, в начале 50-х годов, он был академиком-секретарем, потом – вице-президентом Академии».

Что такое сороковые годы в науке, известно. Чем они были для А.Н. Леонтьева, мало кому известно. После войны Алексей Николаевич, уже доктор наук и заведующий лабораторией в Институте психологии, опубликовал на основе своей диссертации небольшую книжку «Очерк развития психики». Сразу же, в 1948 году, на нее вышла разгромная рецензия, и осенью этого года была организована «дискуссия». В ней выступили многие ныне широко известные психологи, обвиняя автора книги в идеализме. Но соратники Леонтьева, да и вообще многие порядочные люди, встали на его защиту, и дискуссия для него последствий не имела. Более того – его приняли в партию. Едва ли мотивы его вступления были чисто карьерными – скорее, это был акт самосохранения. Но факт оста-

которыми пользовался Алексей Николаевич, если не считать возможности заказывать дефицитные книги в специальной книжной экспедиции на Беговой...

В 1949 г. он в очередной раз удостоился критики в прессе. Под статьей в официальном издании «Культура и жизнь» стояла скромная подпись: Ю. Жданов. Это был сын недоброй памяти А.А. Жданова, муж (или к тому времени уже бывший муж) Светланы Аллилуевой, а главное, заведующий Отделом науки ЦК. Леонтьев был обвинен в субъективном идеализме в одной компании со знаменитым физиологом Иваном Соломоновичем Бериташвили. Никакой реакции от А.Н. Леонтьева не последовало.

Однажды в Академии общественных наук Леонтьев встретил Жданова. И тот сказал: «Алексей Николаевич,

Лысенко, после чего вынужден был в этой своей ошибке каяться), покаялся, и все в порядке». Алексей Николаевич ответил: простите, а Вы не думали, может быть на самом деле эта Ваша ошибка ошибкой и не была? Может быть, Вам потом опять придется каяться в том, что Вы каялись в этой ошибке?».

Последовал взрыв эмоций, и Леонтьев ни живой, ни мертвый отправился домой, как говорится, сушить сухари. Однако никаких оргвыводов не последовало, он на этот раз даже не был уволен. Автор хорошо помнит, как в эти страшные недели родители мягко старались подготовить его к тому, что его могут допрашивать на Лубянке, и просили не упоминать некоторых имен и тем разговоров. Пронесло. Момент был достаточно опасный, но Алексей Николаевич так и не покаялся.

К этому же, 1949 году относится знаменитая история с С.Л. Рубинштейном, которую мы поднимали в «Психологическом журнале» (1984, № 4). Некоторые журнальные публикации, посвященные истории увольнения из МГУ С.Л. Рубинштейна, создавали следующую ложную модель: руками П.Я. Гальперина А.Н. Леонтьев, используя кампанию против космополитов, «спихнул» Рубинштейна с поста заведующего кафедрой, чтобы занять его место. Не будем тратить время на разбор всех «натяжек», с помощью которых создавалась эта версия, поскольку совсем недавно были обнаружены новые документы, из которых явствует, что решение об увольнении Рубинштейна было «спущено» в партбюро из вышестоящих партийных инстанций, и участники обсуждения лишь выполняли это решение, не имея права ни обсуждать его, ни даже заикнуться о его существовании.

В это время психология в СССР чуть-чуть не разделила судьбу генетики и кибернетики. После знаменитой «павловской» сессии трех академий – АН, АПН и АМН, – в результате которой от науки были отлучены и потеряли работу не только «инакомыслящие» вроде Н.А. Бернштейна, но и не вполне ортодоксальные ученики самого Павлова, например Леон Абгарович Орбели, в «инстанциях» всерьез обсуждался проект «закрытия» психологии как науки и замены ее павловской физиологией. И кто знает, что могло бы произойти, если бы

На летней психологической школе. Рядом В.В. Столин и Э. Джафаров

есть фактом. Нельзя забывать и того, что Алексей Николаевич, как и его учитель Выготский, был убежденным марксистом. Хотя и отнюдь не ортодоксальным – его особенно привлекали ранние работы Маркса, в частности «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Членство в партии, конечно, способствовало тому, что с начала 50-х годов Леонтьев становится академиком-секретарем отделения психологии АПН, затем академиком-секретарем всей Академии, затем ее вице-президентом, а значит, входит в «номенклатуру».

В те годы старший из авторов был уже старшеклассником и студентом, но он не помнит никаких особых привилегий,

пора бы покаяться в Ваших методологических ошибках». Алексей Николаевич ответил: «Простите, Юрий Андреевич, не вижу, зачем мне каяться. Если я буду каяться, значит, я действительно идеалист. Если я напишу, что с критикой не согласен – все равно будет плохо. Если ни то, ни другое – появится статья, что я недостаточно самокритичен. Так лучше уж я не буду каяться». «Ну, приходите ко мне, поговорим». Приходит Алексей Николаевич в кабинет Ю.А. Жданова, тот его продолжает убеждать признать свои ошибки. Алексей Николаевич упирается. Жданов говорит ему: «Берите пример с меня, я тоже совершил некоторые ошибки (как известно, он печатно разругал

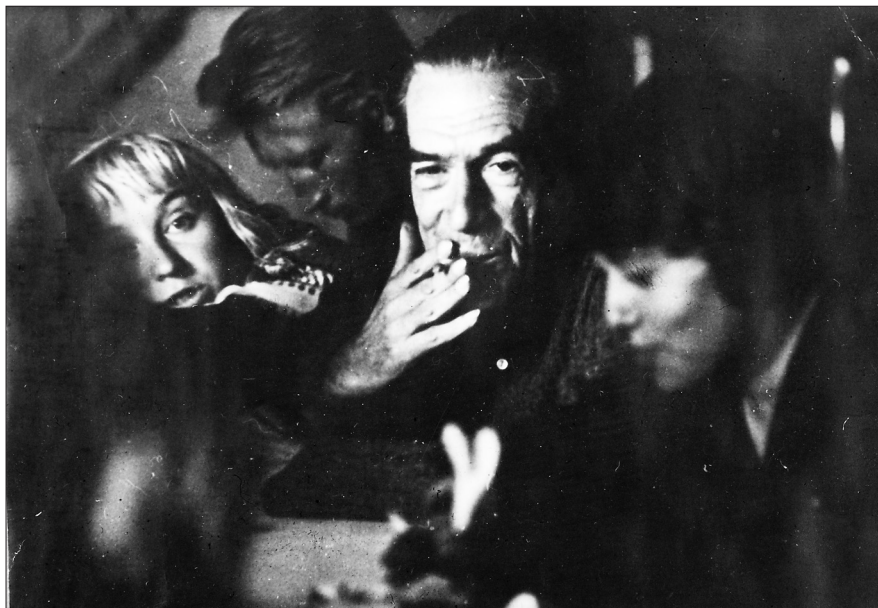
не самоотверженная борьба «номенклатурщика» Леонтьева за спасение психологической науки. Ее так и не решились «закрыть».

«Новый взлет творчества А.Н. Леонтьева начинается в середине 50-х годов»

В 1955 году начинает выходить журнал «Вопросы психологии». В эти годы Леонтьев много публикуется, а в 1959-м выходят первым изданием «Проблемы развития психики». Если судить по количеству публикаций, конец 50 – начало 60-х – самый продуктивный для Алексея Николаевича период. Тогда же открывается новая проблематика – когнитивная. Сейчас мы имеем инженерную психологию, возрожденную психотехнику, которая была разгромлена в 1938 году и восстановлена, благодаря организационным усилиям Алексея Николаевича, социальную психологию, космическую психологию – все это во многом его заслуга. В конце 50-х годов к нему пришли люди, которые (как он рассказывал много лет спустя) задали ему два вопроса как психологу: «Сможет ли человек приспособиться к физическим условиям космического пространства?» и «Не будет ли во время нахождения человека в космосе опасных нарушений восприятия окружающего мира?». На оба он ответил утвердительно: «сможет», «не будет». И оказался прав. Конечно, много неизвестного, много нового, но человек – машина весьма адаптивная. Мы с ним как-то говорили о том, что человек сам создал кинематограф и сам создал механизмы его восприятия! Он воспринимает то, чего никогда не было в окружающей его действительности. Но ведь он приспособился, как будто с глубокой древности смотрел кино.

С 1954 года началось восстановление международных связей советских психологов. Впервые после длительного перерыва в очередном Международном психологическом конгрессе в Монреале приняла участие довольно представительная делегация советских психологов. В нее входили Леонтьев, Теплов, Запорожец, Асратян, Соколов и Костюк. Начиная с этого времени, Леонтьев много сил и времени уделяет международным связям. Наиболее тесные контакты были у него с Францией и вообще с франкоязычными психологами. Есть несколько причин этому. Во-первых, у него была общность проблематики

и близость подхода с целым рядом крупных французских и франкоязычных психологов, в том числе Ж. Пиаже, А. Пьероном, А. Валлоном, Р. Заззо, Ж. Нюттеном. Во-вторых, он в совершенстве владел французским. А.Н. Леонтьев долгое время был одним из сопresidentов общества «СССР-Франция», членом исполкома

В окружении студентов

ассоциации Международного союза научной психологии, естественно, принадлежал к категории «выездных» людей и в 60-е годы часто принимал участие в различных международных конференциях. Кульминацией этой деятельности явился организованный им в 1966 году Международный психологический конгресс в Москве, президентом которого он был.

Алексей Николаевич объехал всю Европу, бывал в США и Канаде. Сохранились многочисленные толстые альбомы, в которые он клеивал фотографии, открытки и т.д., сопровождая их развернутым комментарием – своего рода иллюстрированные дневники его зарубежных поездок. Хотя, конечно, в этих дневниках фиксировалось далеко не все, что он рассказывал. Например, там почти не говорится о почти детективных историях, сопровождавших пребывание советской делегации в Монреале в 1954 году.

«С 1966 года и до последнего дня своей жизни А.Н. Леонтьев был бессменным деканом и заведующим кафедрой общей психологии. В сущности, факультет создан им, и... нельзя не признать,

что именно Алексей Николаевич определил его научное «лицо»

Середина 60-х – это перелом в социальном положении психологов вообще. Во-первых, ВАК вводит квалификацию «Психолог», ученые степени по психологическим наукам. В архиве А.Н. Леонтьева хранится авторефе-

рат одной защищенной в начале 60-х годов диссертации на соискание степени кандидата педагогических наук (по психологии), посвященной некоторым особенностям поведения медоносной пчелы. Этот автореферат входил в число аргументов, с помощью которых он «пробивал» психологическую специализацию. К тому же периоду относится создание первых факультетов психологии в Московском и Ленинградском университетах и «размораживание» некоторых ранее запрещенных областей психологии, таких как психология личности, психодиагностика и уже упомянутая социальная психология. Эти положительные перемены продолжали развиваться и в последующие десятилетия.

А.Н. Леонтьев занимал весьма серьезные посты, и, казалось бы, при взгляде со стороны есть все основания говорить о нем как о чиновнике советской системы, работнике идеологического фронта, создающем идеологические основы психологии. Действительно, у него в статьях, докладах и разных текстах есть много и дежурных ссылок, и цитат, все, что полагается. Но могло ли быть иначе?!

Вот одна легенда из жизни декана факультета психологии. Август месяц, очередной прием на факультет психологии МГУ. Конкурс, как всегда, большой. Экзамены сданы, баллы подсчитаны, хотя приказа о зачислении еще нет. На прием к декану приходит генерал – серьезный, высокий чин. «Чем могу быть полезен?» – спрашивает его декан. Выясняется, что дочка генерала поступала на факультет, но вроде бы не совсем поступила. Декан вызывает секретаршу со списками; выясняется, что дочь генерала недобрала до проходного всего полбалла и вместе с пятью другими студентами, набравшими столько же, осталась за чертой. «Что можно сделать, чтобы ее все-таки зачислить на факультет?», – спрашивает генерал. «Понимаете, – говорит ему декан, – здесь шесть человек, в том числе Ваша дочь, в одинаковом положении. Если я своим приказом – а такие полномочия в принципе у меня есть – включу ее в списки зачисленных, исключив кого-то другого, то остальные пятеро, и тем более невинно пострадавший, будут иметь все основания обвинять меня в том, что я оказал ей определенные привилегии из-за того, что она дочь генерала. На меня начнут писать жалобы, да и Вашей дочери тоже будет весьма неуютно. Я ограничен в моих действиях планом приема, который мне спускают сверху, и не вправе принять ни одного человека сверх этой цифры. Вот если бы план приема был увеличен на шесть мест, тогда бы мы спокойно зачислили всех шестерых, и никаких проблем бы больше не возникало». «Так в чем же дело!», – восклицает генерал. На следующее утро приходит приказ из ректората об увеличении плана приема на шесть мест.

Многие люди, работавшие с Алексеем Николаевичем, говорят о том, что он был в определенном смысле выдающимся администратором: в плане умения играть в «административные игры», хотя это отнимало у него массу времени и сил, снижая его научную продуктивность, особенно в последние два десятилетия. Но нельзя сказать, что это было для него совсем уж тяжелой обузой, потому что он и в этом находил определенное удовольствие. Он играл в эти игры с увлечением и часто выигрывал, в том числе у тех, кто находился на гораздо более высоких этапах социальной

иерархии. Он был идеологическим знаменем факультета, да и, пожалуй, всей советской психологии. Но, самое интересное, что кроме него, практически ни у одного сотрудника факультета в работах дежурных идеологических ссылок практически нет. Он полностью брал на себя урегулирование отношений с властью, идеологией и т.п., а весь факультет спокойно работал. Идеолог, у которого никто идеологию не блюдет! Он выполнял роль своеобразного барьера между идеологией и наукой, волнолома, за которым гавань всегда оставалась тихой. Более того, можно сказать, что граница между идеологией и наукой проходила через него. Ему это, конечно, мешало, но если считать продуктивность не только по числу публикаций, но учитывать и организационные инновации, работу учеников, одно другого стоит. Он говорил: «С порядочными, умными и талантливыми людьми любой дурак работать сможет, а вы работайте с теми, какие есть», – и брал на себя эту неблагодарную работу.

Алексей Николаевич никогда не занимался передачей и воплощением начальственных указаний. Зато он постоянно «теребил» начальство, добиваясь принятия компетентных и полезных для психологии решений. И его авторитет у власти был настолько высок, что ему удавалось практически все, чего он старался добиться. Его упрекали (задним числом, разумеется) в авторитарности, волюнтаризме, чуть ли не в сталинизме, обзывали «Лысенко в психологии». Но он не принимал ни одного ответственного решения, не посоветовавшись предварительно с окружавшими его товарищами. Начиная совместной работы с Выготским, практически все эти решения принимались совместно. Мы уже упоминали, что среди людей, с которыми он работал, были и его – в прошлом – злейшие враги, но он не позволял себе делать какого-либо различия между ними и своими друзьями, и учениками, если речь шла о работе, о науке. Он мог быть и был жестким и непримиримым, когда ситуация того требовала. Но чаще он был мягким, внимательным и человечным. Он не делал различий в общении между академиком и студентом, секретарем ЦК и факультетской буфетчицей. Он всегда здоровался первым. На домашнем банкете, который

он устроил в честь своего пятидесятилетия, рядом с докторами и профессорами сидели студенты: Зинченко, Давыдов, Гиппенрейтер, кажется, Овчинникова. А с Лысенко, агрессивным невеждой, плодившим вокруг себя себе подобных, физически уничтожавшим своих противников, державшимся только связями с ЦК, его странно даже упоминать рядом. Они были, по существу, антиподами.

А.Н. Леонтьев по-настоящему любил студентов и чувствовал себя в студенческой среде, как рыба в воде. Сохранились фотографии, где он снят в Летней психологической школе – палаточном городке на Черноморском побережье, куда он специально поехал на несколько дней, чтобы наговориться всласть со студентами о психологии. Полутолый декан смотрит на общем фоне совершенно естественно. Анекдоты о нем, ходившие по факультету, были добродушно-ироничными. Они интересны проскальзывающим в них – при явной симпатии к декану – чувством отчужденности, какой-то отстраненности Леонтьева от «нормальной» жизни и «нормального» быта. Эта отстраненность у него была на самом деле, хотя никак не скажешь, что он был «не от мира сего». Иногда возникало ощущение, что Алексей Николаевич не живет в нашей советской действительности с ее очередями, партсобраниями, ЖЕ-Ками и ВАКаами, а сознательно играет в эту жизнь по добровольно принятым им на себя правилам, оставаясь, на самом деле, вне этой действительности. Один из старых профессоров МГУ, знавший Алексея Николаевича недавно обронил в разговоре с одним из нас: «Мало я знал людей, которые были так внутренне свободны, как Алексей Николаевич!».

Он и в семье был немножко отчужденным. Но был последней инстанцией – к нему обращались, когда все другие способы воздействия или пути принятия решения были исчерпаны. Нам он прививал, во-первых, порядочность во всем, уважение к себе как к человеку, и, во-вторых, отношение к труду. Если у него появляется срочная работа, он садится и сидит весь вечер, всю ночь, не вставая, потом поспит пару часов и утром опять садится, весь день работает и где-то вечером на второй день он завершает эту

работу. Ответственность – в эпоху всеобщего ухода от ответственности. Он никогда ничего ни на кого не перекладывал. Он все решал сам. Ему был присущ абсолютный, стопроцентный самоконтроль, который проявлялся во всем – и в деловых отношениях, и в семье. Его никогда не видели более, чем на одну секунду вышедшим из себя. Такого просто не было.

Видимо, он был крайне ранимым и глубоко эмоциональным. Такие люди наращивают на себе «корку» холодной рассудочности и сознательной регуляции, но под этой коркой все же чувствуется другое... Моторика у него была плавная. Он был не резким, скорее – чуть-чуть замедленным, в нем ощущался все время внутренний план, какая-то отстраненность от происходящего, та

«пауза», про которую говорили независимо друг от друга гениальный русскоязычный философ Мераб Мамардашвили и выдающийся американский психолог-экзистенциалист Ролло Мэй – пауза в потоке событий и действий, в которую осуществляется сознание, понимание, осмысление, решение; пауза между стимулом и реакцией, которая делает человека свободным.

Он был интровертом, по контрасту со своим близким другом Лурия. И была в его внешности и поведении какая-то особая артистичность, привлекавшая к нему сердца студентов. Особенно хороши у него были руки – с тонкими, длинными, аристократичными пальцами, про которые вспоминали все, кому довелось с ним общаться или слушать его выступления.

Алексей Николаевич прожил длинную и очень насыщенную жизнь, но, вероятно, не реализовался до конца. И поэтому в конце жизни не чувствовал себя счастливым и часто уходил в работу. Друзей у него было мало, главным образом – товарищи по работе, которых он знал и любил с молодых лет, вроде Александра Владимировича Запорожца или Даниила Борисовича Эльконина.

... Он сломался как-то молниеносно, постарел за 2-3 месяца, последний – семьдесят шестой – год жизни провел в больницах. И умер, как говорится, в одночасье, легкой смертью – от разрыва аорты. Хорошие люди его любили. Подлецы и приспособленцы – ненавидели. Но все без исключения – уважали.

Он был очень хорошим человеком.

Литература:

1. Леонтьев А.А. Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева // А.Н.Леонтьев и современная психология. Сборник статей памяти А.Н.Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та.– 1983.– С. 6-39.
2. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. т. 1. – М., 1983. – С. 65-75.
3. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / под ред. А.А.Леонтьева, Д.А.Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
4. Леонтьев А.Н. Парапсихология: фикция или реальность? (совместно с В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломовым, А.Р. Лурия) // Вопросы философии. – 1973. – № 3.– С. 128–136.

References:

1. Leontiev, A.A. (1983) Tvorcheskij put' Alekseja Nikolaevicha Leont'eva [Creative career of Alexey Leontiev]. A.N.Leont'ev i sovremennaja psihologija. Sbornik statej pamjati A.N.Leont'eva [A. Leontiev and contemporary psychology. Collection of articles in memory of A. Leontiev]. Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, p. 6-39.
2. Leontiev, A.N. (1983) Izbrannye psihologicheskie proizvedenija [Selected psychological works]. V. 1, Moscow, p. 65-75.
3. Leontiev, A.N. (1994) Filosofija psihologii: iz nauchnogo nasledija / pod red. A.A. Leontieva, D.A.Leont'eva [Philosophy of psychology: from the scientific heritage / ed. By A.A.Leontiev, D.A.Leonteva]. Izdatelstvo Moskovskogo universiteta
4. Leontiev, A.N. (1973) Parapsihologija: fikcija ili real'nost'? (sovместno s V.P. Zinchenko, B.F. Lomovym, A.R. Lurija) [Parapsychology: fiction or reality? (in collaboration with V.P. Zinchenko, B.F. Lomov, A.R. Luria)]. Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]. 3, p. 128–136.